

Водоворот осколков привычно закручивался вокруг оси. В мире нейтралитета, понятие цвета отсутствовало. Но по непонятной причине, чей-то голос давал свои определения...

У цвета появились тона и названия. Пустота, пространство, что-то... Стало восприниматься как данность. Множество пятен и изгибающихся линий, переходили с черного до белого, пока не перешли на все цвета радуги. Продолжив свою эволюцию, картинка принимала очертания. Как только Голос узнавал её, она ускользала в новое изображение. Переменчивая игра в догонялки постоянно меняла свою цель, как только Водила прикасался к разгадке.

Так родились нити. Множество радужных нитей, которые охотно растворялись в пустоте. С каждой новой картинкой, своеобразные струны звучали четче. Голос долго не мог понять соединение цветов и ощущения. Пока не переходил на новую ступень взросления. Дальше: к новой головоломке.

Четкая картинка.

«Ребенок: одинокий, брошенный. Чумазое чудо было одето в обноски. Под тряпками скрывалось худое тельце с явным признаком недоедания. Воробьиный взгляд с запечатанным страхом, омрачал карий цвет глаза ребенка».

Сознание вспышкой подало сигнал в желании задержаться, но некая воля мчалась дальше.

Картинка сменилась.

«Молодой парень, среднего роста, вытянулся в строю. Пятнистая форма и коротко стриженные головы строя создавали эффект близнецов. Но преимущественно светлые глаза ребят разбавляли решительно карие».

Картинка сменилась.

«Светлая комната. Маленькая – едва помещает в себе скудный ассортимент мебели: кровать, комод, стол и три табуретки. Взрослый мужчина со смуглой кожей, смолистыми волосами и пышной щеточкой усов счастливо улыбался своей широкой открытой улыбкой. Вытянутое лицо и чуть крючковатый нос говорили о горячей крови южанина. В уголках шоколадных глаз залегли морщинки свойственные только улыбчивым людям. На голове коренастого мужчины, красовался бумажный колпак со звездами. Мужчина держал на руках ребенка. По двум редким хвостикам на головке малыша можно было определить пол. Слова отца искажались, но малышка чувствовала любовь родителя и так же радостно улыбалась ему.

На пороге появилась миниатюрная женщина с каштановой россыпью волос. Чуть смешные черты лица не делали её красавицей, но излучали волны очарования. Темно-серые глаза матери отражали огонь двух свечек. В руках женщина несла тортик».

Картинка сменилась.

«Крики. Завывание женщин. Очередь из автомата прогремела над полуразрушенным городом. Всплипы и зажатые дрожащими ладонями рты - олицетворения ужаса в распахнутых глазах или... в закрытых. Хаос, где каждый трясется за свою жизнь. Хаос, где каждый делает свой выбор...

Девочку десяти лет била мелкая дрожь. Черные кудри в некоторых местах образовали колтуны. Неестественная белизна кожи выделяла особо яркую щеку, которая уже стала опухать. Сухие потрескавшиеся губы шептали мольбу, а в глубине карих глаз отражалась шеренга

смертников. Измученная женщина с косой слабо улыбалась ей, как бы говоря «все нормально». Ничего не было нормально!

Мужчина в форме, державший девочку за шкурку, отдал команду готовности. Солдаты идентично дернулись, направляя оружие на впереди стоящих людей. Карие глаза выпустили новый потоп слез, которые затекали в рот, смешиваясь с выступившими соплями. Ребенок в страхе зажмурился, отрицая реальность. Ледяная рука мужчины больно сжала лицо ребенка, а голос потребовал смотреть. Смотреть на то, что происходит с предателями, на то, как умрет её мать... На то, что может случиться с ней...

Так же внезапно её отпустили. Мужчина сказал, что если она хочет, может идти к маме и умереть вместе с ней. Шок и боль толкнули ребенка к матери - женщина закричала, моля дитя остановиться. Замерла! Перед тем как прозвучала команда и тяжелый свинец врезался к груди женщины, она улыбнулась. Измученное лицо засияло огоньком жизнью, чтобы тут же потухнуть».

Картинка сменилась.

«Шумная компания вояк нечто праздновала. В центре весельчаков отплясывал причудливый танец малорослый юнец. Поддержка роты и веселый смех, пустила корни забытой радости. Через некоторое время, кареглазый юноша отбрехался сославшись на усталость. Его не хотели отпустить сослуживцы, но что поделать...

Зайдя в барак, брюнет дошел до своей кровати и взял необходимое снаряжение. Воровато оглянувшись, он зашел в душевую. Заблокировав дверь от возможных сюрпризов, парень устало выдохнул. Пройдя рукой по ежику волос, солдат отошел в дальний угол: подальше от окна. Расстегнув рубашку, открыл вид на эластичные бинты, сковывающий грудную клетку. Снятая форма, показала жилистую фигуру, а моток за мотком открывал тайну. Повернулся краник. Под летним душем открылось женское тело «юнца»».

Картинка сменилась.

«Улыбчивые лица родителей смотрели на восьмилетнюю девочку, которая продолжала веселить их. Только в маленькой комнатухе, они могли закрыть дверь и оставить все проблемы и страхи за ней же. Но не на этот раз... Тяжелый удар заставил отца семейства встрепенуться. Второй удар выбил дверь. Вскрик матери, которая успела отскочить к дальней стенке, прижимая к груди ничего не понимающее дитя».

Картинка сменилась.

«Немолодая женщина с прической каре, вела двух детей в школу. Ноги плохо слушались, поворачиваясь под неправильным углом, но брюнетку это не заботило. Она с любовью и нежностью смотрела на сирот, которые стали её детьми».

Картинка сменилась.

«Заснеженные поля и леса. Дикий холод кусал щеки и нос. Солдат, что скрывал свой пол, возбужденно смотрел на каторжников. Среди преступников она видела знакомые черты. Зов ликования было сложно сдерживать. Сегодня... Сегодня она устроит побег своему отцу».

Картинка сменилась.

«Озорной мальчуган двенадцати лет, кружил вокруг коляски своей бабушки. Мальчик доверял

и рассказывал все шалости. Она не ругала. Который раз он хотел вместе посмотреть продолжения мультика – она была рада побыть с внуком. Наивная история ниндзя раз за разом теребила душевные раны, которые так и не заросли».

Картинка сменилась.

«Тяжелый бег по сугробам, делали их заметной мишенью, но еще было темно. Солнце скоро подыметесь – им надо уйти подальше в лес. Группа преследования дышала в затылок – это все её вина! Не уберегла! Просчиталась!

Преступник предложил разделиться – дочь согласилась, не желая, чтобы отец видел, кем она стала. Ружье, перекинутое через плечо, охотно легло в намозоленные женские руки. Свист и девушка-солдат спряталась за ближайшим деревом. Выждала и вынырнула, что бы выстрелить. Попала! Собака и солдат окрасили чистый снег её грехом. И если бы она была бы ближе то заметила как в пустых глазах навсегда застыло неверие. Снова бег – стрельба стала более яростной! Теперь бывшие соратники и друзья готовы были убить. Не стоило ей привязываться к ним. Еще выстрел – новая смерть. Узнала его – Сметакин Гриша. Прости!

Замена патронов, один потерян безвозвратно в снегах. Руки дрожат, еле слушаются от холода. Еще пару выстрелов. Замена. Бег на выручку к отцу. Гром патронной очереди – все стихло. Дыхание сбилось. Ноги слишком замерзли, но вынуждены исполнять приказы и нести хозяйку вперед. Ужас и паника застили глаза. Солдатка попала в ловушку. Враг появился неожиданно столкнув её с холма. Так и покатались кубарем две фигуры, пока инерция движения не прекратилась.

Борьба, перебаты, наскоки, отбросы. Мужчина был сильнее, а кареглазую питала ненависть. Она узнала его и желала отомстить. Пистолет подполковника истратил свою обойму в светящее небо, а её ружье было совсем недалеко. Пихнув мужчину в живот, брюнетка резво добралась до орудия. Он был быстр, но она оказалась быстрее. Оглушительный выстрел, брызги крови окрасили лицо.

Возвысившись над трупом, девушка тяжело дышала, не в силах быстро отдышаться и нервный болезненный смех колотил её естество. Смех перешел в безумный, она рухнула в смердящий железом и солью багровый снег, а после услышала хрип. Удовлетворенную тишину нарушил до боли знакомый умирающий хрип. Подняв голову, девушка сфокусировала взгляд, наставив разряженное ружье. В обросшем лице уже не молодого мужчины солдатка узнала отца. Опустив оружие, девушка изучающе прошлась взором по фигуре родственника, не понимая причину издаваемых звуков. Новая волна страха и боли ворвалась в душу. На одежде отца проступали множественные раны. Он повалился на бок.

Дежавю! Дрожа как раньше в детстве, она, борясь с собственным телом, подползла теперь уже к отцу. Приподняла и притянула к себе. Брюнетка аккуратно дотронулась до багровых мест на одежде. А потом убедилась в ранах. Его задело. Рот дочери искривился в гримасе отчаяния. Это она виновата! Это она убила отца!»

Все новый и новый хоромод картинок следовал друг за другом в неправильном хаотичном порядке. Эмоциональные струны достигли своего предела – порвались. Взрыв неопределенного масштаба закрутили осколки с новой силой. Цвета смешались в неприличную белизну, образуя вакуумное пространство. Знакомый звук разбивания стекла, вот только осколки формировались из воспоминания и примыкали друг к другу. Они образовывали подобие человеческой фигуры. Хрустальный человек завершил свое строение, обретая самосознание. Не было ни волос, ни лица. Безликость освещалась внутренней дымкой света.

Фигурка дернулась. Повернуло голову вправо, потом налево – развернулось и повторило процессию. Удивительно, что оно все видело – фактически не имея глаз. Оно говорило, не имея ни рта, ни голоса.

- Где я? – скрежет механического голоса подхватила волна эха. Стушевавшись фигура стала повторно озираться. Оно искало обладателя такого странного голоса, пока не предположило, что это оно и есть. В пробной попытке, оно сказала вновь: - Алло!

Отшатнувшись от непривычной тональности, фигура застыла. Уцепившись за понятие «привычность» сознание открыло свои истоки. Оно вспомнило всё! Оно вспомнило, что была особью женского пола. Имя? Фамилия? Как будто их никогда и не было. Зато память запомнила жизнь, которую оно предпочло бы стереть и забыть, что бы освободиться от чувства вины, ненависти и беспомощности перед обстоятельствами.

Скромная жизнь обычной семьи, которой была по-своему богата. Родилась 1938 года в момент кризиса и смуты, которая привела к началу Второй мировой. Ей был год, когда все началось. Год, когда в голове появилось четкое воспоминание о семье.

Дальше память защитила от подробностей, но она знала - маме было тяжело: жить в страхе и растить дочь. Она помнила только волнения... В семь лет – вернулся папа. Она не признала его, а мама не удержалась на ногах, упав в обморок. Многие не вернулись, а отец вернулся. Но кто знал, что ему суждено было вернуться, чтобы быть преданным своим государством...

Через год надежда на счастливую и спокойную жизнь оборвалась из-за донесения на нашу семью. Лучший друг отца и соседи (заядлые алкаши) – были причастны к клевете. Вот только никто не стал разбираться. Поставив клеймо «виновны», отца сослали по приказу Сталина в Сибирь. А мать и дочь еще два года держали в поселении строгого режима для таких же «провинившихся». Пока её не расстреляли вместе с другими родителями детей.

Мама учила быть доброй к людям и хранить свет в сердце, но с её смертью свет погас. Ненависть, жажда мщения и брезгливость к себе пустила ядовитые корни, выжигая душу. Следующие пять лет жизни прошли как у дворовой собаки, которая готова была вгрызться в горло за кусок хлеба. Потеха для зрителей – диковинные зверюшки! Пока в шестнадцать она не остановилась и не призналась себе в своей трусости и никчёмности. Ведь вовсе не слова матери остановили её тогда, а собственный страх за свою жизнь. Она долго отрицала это, а когда признала – стало легче, а потом труднее. Появился шанс простить себя. К цели мести и возможного развития, прибавился хладнокровный расчет. Именно тогда их заключение «детей предателей родины» расформировали. Военные организовали рассылку подростков в колонии.

В восемнадцать, закалив характер девушка приняла решение податься в Сибирь. Шанс того, что отец жив – был ничтожно мал, но теплил надежду. Тогда она ночи напролет мечтала и разрабатывала вероятные пути побега. Отмщение некоторым личностям бальзамом смазывали душевные раны.

У нее был список, по которому стоило пройтись быстро и четко. За оружие пришлось хорошо выложиться и пойти на грязную сделку – так в списке к четырем смертникам, присоединилось еще пятеро. Благо грязные дружки были «щедры» и раздобыли планы сибирских тюрем и поселений. Она не была хорошей девочкой... Так пламя ненависти поглотило девять жизней, а она окрасила руки кровью.

Попасть в Сибирь не сложно. Не сложно прочувствовать тюрягу изнутри. Сложнее быть волком в овечьей шкуре. У нее был план! Уничтожив доступные рукам документы, она потеряла свое

лицо и существование как личности. Обстригла черные локоны и решила, что должна стать своей среди парней, а в карих глазах сияла решимость.

Уже известная банда помогла с подготовкой, пока их дороги не разошлись. Немногословность, бесстрастность и жестокость – стали её вторым именем. Безликий – так её прозвали в преступном мире хаоса, пока тот не исчез.

В девятнадцать она добровольцем вступила в армию. Воспользовавшись шантажом, девушка прошла медкомиссию, а после заставила врача вечно хранить тайну. План внедрения шел слишком гладко, что радовало, но настораживало. По новым документам солдат был сиротой и не знал о себе ничего. Ну что тут ребенок войны, ничего подозрительного: многие погибли, многое потеряно.

Много всего произошло. Пришлось научиться улыбаться, когда больно. Мужики не страдали особой чуткостью и женской интуицией, поэтому фальшивость улыбки оставалась тайной, которую принимали как особенность мимики.

Через пять лет их распределяли по точкам.

В двадцать пять лет, она нашла его – своего отца. Постаревший и измотанный. Было трудно уловить того жизнерадостного мужчину, которого не сломила война. Его надломил Мир. Тяжело шли короткие свидания под прикрытием, но в конце-концов дочь дала надежду на свободу.

Разработанный план должен был пройти гладко, но вмешался случай. Из-за своего стремления отомстить, она застрелила военного, что когда-то отдал приказ на убийство матери. Удача отвернулась от нее снова, когда в тот же миг из угла холма выскочил отец. Попав под одну линию удара, старика задело осколками свинца. Из-за её мести умер последний родной человек, а ей оставалось лишь рыдать над телом. Судьба будто поманила пряником, а потом забрала его, хлестнув сильнее прежнего. Ведь ничего не изменить...

Только через десять лет, когда старая травма ноги стала докучать, она нашла ради чего жить. Дети. Сироты, что были брошены на произвол судьбы – она стала жить ради них.

Время стёрло подробности, чувства смазались, но это не означало, что она забыла. Но она так отчаянно хотела жить и быть счастливой. Потеряв все, она обрела все, что искала. Пусть и не сразу.

Безликая фигура посмотрела на кристаллизованную конечность. Это не то, что оно привыкло видеть. Эмоции, что проснулись подобно вулкану, осели золой. Все это было, но давно. Сознание яркой вспышкой сигналило о неправильности. Оно должно было куда-то идти. Сделать шаг. Еще один. Так лень... Проще снова рассыпаться на неизвестное количество осколков. Но сохраненная сущность воспротивилась легкому решению. Упрямство и любопытство заставили идти: вперед, назад – это было неважно, главное идти. Понятия времени тут не ощущалось, как не было и усталости. Безликому тут нравилось.

- Эй, - снова гулко позвало оно. Впереди что-то виднелось.

Навстречу шла девочка. Совсем еще маленькая. Потерялась? Прибавив шаг, фигура ускорила, девочка с нескрываемым воодушевлением и даже радостью побежала к нему навстречу.

Жесткий удар взорвал новую петарду. Ребенок напротив так же распластался на белоснежном подобии пола. Безликий поднялся, девочка проделала те же действия. Вспомнив, что во что-то врезалось, сущность выставила кристаллизованную конечность вперед – ребёнок наверно подумал о том же, потому что так же выставил руку.

Вскоре ладони соприкоснулись, вот только существо явно чувствовало некую преграду. Наверняка их отрикошетило.

- Все хорошо, не переживай. Извини за... столкновение. – Существо сдавленно усмехнулось. Ребенок что-то вторил ему, вот только голоса он не слушал. Наверно это стена заглушала речь. – Как жаль, мы не услышим друг друга.

Не имея другого занятия, безликий стал изучать малышку. Болезненно бледная кожа, казалась тоньше кальки. Симпатичное личико с правильными чертами было лишено яркости, упрямо ассоциировалось с мрамором. Уставшие глаза имели покрасневшие пятна, а единственную четкость выражали иссиня-черные ресницы и брови. Заглянув в глаза, безликий печально выдохнул. Девочка была слепа. Первый звоночек нестыковки заставил еще раз взглянуть в молочные глаза ребенка, которые оттеняли небесной дымкой. Удивительно, но малышка так же наклонила головку в бок, изучая оппонента. Нет уж! Безликий не мог объяснить как, но ребенок видел его.

Продолжив осмотр, сущность отметила неприличную худобу, так что голубая пижама грозили слететь с ребенка. Поразительной чертой малышки были волосы. Длинные и белые как первый подснежник. Неестественный цвет по меркам его старого мира, доступный только старцам. В суммарности девочка не лишена очарования, но на данный момент смотрелась как белая поганка.

Улыбнувшись девочке, безликий замер. Маленькая поганка в который раз зеркально повторила его действие. Чтобы проверить догадку, безликий отошёл, попрыгал, помахал рукой, - сделал все, чтобы опровергнуть бредовое подозрение. Но нет, девочка послушно скопировала движения.

Неожиданно просто пришел факт принятия, себя как этой девочки. Место затянуло новую мелодию, а вокруг закружились краски. Новый хоровод картинок, нет – воспоминаний, заставили кристаллизованное тело безликого перестраиваться.

Открыв уже имеющиеся глаза, бывший безликий осознал, что теперь у него есть имя – Хитоми, Хьюга Хитоми.

Посмотрев в зеркало, Хитоми узрело помимо себя, новые отражения. Толпа многочисленных мужчин и женщин стояла за её спиной, всех их объединяли схожие черты: молочные глаза с лавандовым оттенком и темные шевелюры. Лишь один мужчина, выделялся на их фоне.

Испуганно обернувшись за плечо, Хитоми заметила лишь пустоту. Вернувшись к зеркалу, она сосредоточила внимание на странного родственника.

Высокий со светлыми волосами, как у Хитоми, глазами без зрачков и рогами на лбу. Его можно было принять за демона, вот только юная химе чувствовала родственника, который не желает ей вреда. У него не было бровей, а с правой стороны его лица свисала прядь волос. Светлое кимоно с высоким воротом открывало мужскую грудь, где были изображены шесть Магатама, а также тёмного цвета штаны.

Который раз, взглянув на себя и этого мужчину, Хитоми отмечала цвет волос и бякугана. У

него, так же оттеняло не лавандой или серостью, а чистой голубизной. Благо рогов не наблюдалось и то хлеб. С такими особенностями девочка задумалась о праве отцовства. Но долго ей фантазировать не позволили – предок стал говорить:

- Хранительница клана. Не дай миру, что создал мой брат, подойти к концу.

Эта была единственная фраза слетевшая с уст рогатого предка. А что это предок, Хитоми не сомневалась.

Пространство стало таять, а Хитоми, подхваченная невидимой дланью, летела прочь от зеркала-предков. Неведомо зачем помахав напоследок.

Пробуждение было... неприятным. Хитоми-химе, кем она и была по праву рождения, все еще переваривала всплывшую бурю прошлой жизни. Из-за чего головная боль была невыносима, а монотонный писк приборов убивал надежду на лучшее. Но оказалось это были цветочки. Ощувив в гортани инородное тело, девочка сделала попытку проглотить накопившуюся слюну – горло зажгло болью, а трубка колыхнулась. Мычание стало единственным средством выражения муки. Помимо этого постоянный приток кислорода обеспечивала одетая маска, закрывающая нижнюю половину лица.

Мысленно отметив плюс горизонтальной плоскости, Хитоми более уверенно захлопала глазами. В комнате было сумрачно. Единственное во что упирался взгляд – потолок. Повернуть голову у ребенка так и не получилось. Узнать больше информации, ей не удалось.

Тело предпочитало не слушаться. Максимум, что ей удалось это пошевелить пальцами на руках и ногах. Остальная туша лежала мертвым грузом.

Естественная паника истерично ударила в голову переходя в настоящую истерику. Вот только глухие всхлипы ребенка никто не услышал. А после она так же неожиданно провалилась в сон.

Следующее пробуждение показало, что потолок стал светлее. Головная боль никуда не ушла, но стала не такой резкой. Попытки пошевелить конечностями не возымели успеха. Тело чувствовалось детским и беспомощным, что входило с повзрослевшим разумом в диссонанс. Сколько ей сейчас? Сколько она тут была? Что произошло – почему она здесь? А здесь это где? Множество вопросов привели к ухудшению самочувствия и новой сонливости.

Следующие пробуждения не сильно отличались от предыдущих. Хитоми уже привыкла, что она одна. Это накладывало некую печаль и чувство ненужности. Апатия ловко стала окутывать душу девочки своей паутиной, пока новый звук не привлек её внимание: скрипнула ручка двери и послышались женские голоса.

- Я тебе говорю. Это так не справедливо!

- Да уж. На твоём месте я бы наверно отказалась.

- Ты думаешь, я не хотела, Михо. Каждый раз как я смотрю на эту малявку, я торжествую и злюсь.

- Необычное сочетание, - задорно щебетала обладательница второго голоса. - А может ну её? Пусть лежит себе. Попьем чай, а потом покормим и омоем это главное растение.

- Михо-Михо, - укоризненно протянула первая. - Давай лучше закончим здесь, чтобы я не думала о химе клана. Пожалей меня! - взмолилась первая. Две особы решительно подходили к кровати больной.

- Как скажешь, Жина. Хотя я искренне надеюсь, что сегодня глава, наконец, одобрит отключение растения от искусственной жизни. Хватит уже мучить ребенка и нас... Эй, ты чего?

Одна из девушек ударила локтем в бок другой, из-за чего вторая возмутилась. Проследив за указательным пальцем подруги, медсестра встретила взглядом с бякуганом принцессы. Застыв изваяниями, медсестры еще с минуту таращились на «растение». Пока одна не отмерла.

- Жина, разберись сама, мне нужно срочно доложить! - не дождавшись кивка Жины, Михо и след простыл.

- Я позову главу больницы, Хитоми-химе.

Холодно даже ядовито высказалась медсестра. Она исчезла, как и предыдущая. Хитоми снова осталась одна, вот только никто в целом мире не жаждал общества как юная принцесса Хьюга. Прибавились вопросы: За что её ненавидели? Что произошло?

Примечания:

1939 - 1945 гг. - СССР в годы второй мировой войны.

1 марта 1953 г. - смерть вождя Иосиф Виссарионович Сталин

(Иосиф Виссарионович Джугашвили). Вплоть до смерти Сталина продолжались доносы и гонения на многих людей.

Жина (яп. ж.р.) - серебристая

Михо (яп. ж.р.) - красивый залив

<http://tl.rulate.ru/book/90700/3313081>